
«ТРИ БУБЕНЩИКА, ДВА ТРАНЗЕЛИСТА, ДВА БУНЧУКА»: ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАЗАЧЬИХ СТАНИЦ ЮГА РОССИИ В 1930-Е ГГ.

А.П. Скорик

Кафедра теории государства и права и отечественной истории
Южно-Российский государственный технический университет
(Новочеркасский политехнический институт)
ул. Просвещения, 132, Новочеркасск, Ростовская область, Россия, 346428

Т.А. Самсоненко

Кафедра туризма и курортного дела
Сочинский государственный университет туризма и курортного дела
ул. Советская, 26а, Сочи, Россия, 354000

В работе анализируются процессы преобразования и развития культурно-бытовой сферы казачьих станиц Юга России в условиях «колхозного строительства» на протяжении 1930-х гг. Освещено негативное влияние форсированной коллективизации на казачью повседневность. Выявлены и рассмотрены позитивные тенденции, доминировавшие в сфере культуры и быта донских, кубанских, терских казаков в результате организационно-хозяйственного укрепления колхозной системы, наблюдавшегося во второй половине 1930-х гг.

Ключевые слова: дом культуры, изба-читальня, казаки, казачий хор, кампания «за советское казачество», коллективизация, колхозный клуб, культурно-бытовая сфера, повседневность, станица.

Форсированная коллективизация не только коренным образом изменила социально-экономические отношения на селе и статус казачества, но и с неизбежностью повлияла на структуры повседневности казачьих станиц Дона, Кубани и Терека. Степень трансформации казачьей повседневности и культуры под влиянием процессов «колхозного строительства» была, без преувеличения, огромной: никогда раньше в жизни казачества не происходило столь серьезных перемен, причем всего лишь за несколько лет. Уже поэтому такая тема исследований, как многообразные культурно-бытовые изменения в казачьих станицах Юга России, происходившие на протяжении 1930-х гг., обладает заметной научно-теоретической актуальностью.

Однако, хотя указанная тема и представляет несомненный интерес для ученых, в научных исследованиях она нашла лишь фрагментарное освещение. Можно назвать весьма небольшое количество работ, в которых рассматривались отдельные аспекты трансформаций казачьей повседневности (1). Причем, что показательно, по большей мере эти работы увидели свет на протяжении 1930-х гг. и представляли собой не столько научные исследования, сколько пропагандистски мотивированные описания, имевшие целью акцентировать внимание читателей на положительных изменениях, произошедших в жизни донских, кубанских и терских казаков в период «колхозного строительства». В представленной публикации предпринята попытка частично заполнить лакуны, образовавшиеся в процессе научного осмысления проблемы культурно-бытового обустройства казачьих станиц Юга России в 1930-х гг.

В советской прессе 1930-х гг. постоянно подчеркивалось, что результатом коллективизации (и в целом политики компартии и правительства СССР) стало разительное улучшение культурно-бытовых условий деревни, в том числе казачьих станиц Юга России: создание школ, библиотек, больниц, развитие сети детских дошкольных учреждений и пр. Например, советские журналисты так описывали станицу Вешенскую в самом начале 1930-х гг.: «...теперь в ней: „Дом крестьянина и казака“, школа-девятилетка, народный дом, изба-читальня, кооперация — все это обслуживает не только население станицы, но и окрестных хуторов. Казаки и казачки, приезжая на базар, в районную, неплохо оборудованную, амбулаторию, в РИК (райисполком — А.С.), или, наконец, в магазины ЕПО (Единое потребительское общество — А.С.), часами стоят на улице, у громкоговорителя, передающего из Ростова н/Д. и Миллерова последние новости и различные концерты» (2).

Действительно, коллективизация, имевшая одной из своих задач модернизацию сельской повседневности, должна была изменить к лучшему облик казачьих станиц. В конечном счете указанная задача была реализована, хотя и далеко не полностью (причем иной раз бездумное стремление к стиранию «различий между городом и деревней» крайне негативно сказывалось на жизнедеятельности сельских сообществ). Однако следует отметить, что процессы формирования социальной инфраструктуры казачьих станиц Юга России (как и процессы улучшения бытовых условий жизни казаков-колхозников) относятся по большей мере ко второй половине 1930-х гг. и связаны с организационно-хозяйственным укреплением колхозной системы (а также, в определенной мере, — и с кампанией «за советское казачество»). В первой же половине десятилетия преобладало не созидание, но разрушение: в казачьих станицах пустели или растаскивались по бревнышку дома «раскулаченных» казаков, вырубались сады, уничтожались или осквернялись церкви и т.д. Разность двух указанных этапов развития коллективизированной казачьей станицы Юга России необходимо в полной мере учитывать при освещении структур и сфер повседневности казачества на протяжении рассматриваемого десятилетия.

В источниках содержится немало свидетельств о разрушении в период коллективизации казачьих станиц Дона, Кубани и Терека, принимавшем иногда чудовищные масштабы и самые уродливые формы. Особенно пострадали кубанские станицы в период «слома кулацкого саботажа хлебозаготовок» в 1932—1933 гг. В частности, в октябре 1933 г. директор Копанской машинно-тракторной станции Северо-Кавказского края рассказывал на совещании директоров новых МТС, что «станция [Копанская] была большая, но сейчас разрушена» (3). Сотрудники ОГПУ 7 февраля 1934 г. направили краевому руководству Азово-Черноморского края «совершенно секретную» докладную записку о состоянии станиц Красноармейской (бывшая Полтавская) и Ленинградской (бывшая Уманская). Состояние станицы Ленинградской оценивалось следующим образом: «внешне станица идет по линии разрушения — заборы[,] древонасаждения и т.д. беспощадно уничтожаются. Вид станицы за исключением центра — тяжелый» (4). Подчеркивалось

при этом, что «разрушение станицы особо усилилось, в связи с производством расчетов, так как отсутствие топлива заставляет колхозников изыскивать его на месте в станице (переселенцы печь хлеб при использовании, как топлива — соломы, не умеют, а кизяки и друг. виды топлива отсутствуют)» (5). То есть разрушение станицы являлось не только следствием «слома кулацкого саботажа хлебозаготовок», в ходе которого местные жители были депортированы и дома остались без хозяйского присмотра, но и негативных характеристик колхозной системы (колхозы не обеспечивали потребность своих членов в топливе, вследствие чего заборы и постройки разбирались на дрова).

Примерно также выглядела и станица Ново-Щербиновская Ейского района Азово-Черноморского края. В начале марта 1934 г. сотрудники ОГПУ, ссылаясь на доклад заместителя начальника политотдела Ново-Щербиновской МТС, сообщали краевому руководству о катастрофическом положении в станице. По их словам, в прошлом Ново-Щербиновская была «с большим количеством крупно-кулацких хозяйств, с большим количеством саманных и деревянных домов, крытых преимущественно железом, с различными надворными хозяйственными постройками (досчатые сараи, деревянные амбары, скотники, погреба). Все дворы в станице были обнесены досчатыми заборами, усадьбы засажены большими фруктовыми садами и акацией» (6). В общем, Ново-Щербиновская являлась богатой и процветающей кубанской станицей.

Но в настоящее время, продолжали работники ОГПУ, в станице «жилые дома, надворные постройки и заборы — в массовом количестве разрушаются и уничтожаются». Демон разрушения, вселенный коллективизацией в сердца крестьян и казаков Ново-Щербиновской, полностью восторжествовал в станице: «с домов снимаются ставни, рамы, двери, крыши, крыльцо; остаются одни стены. Сараи, навесы, погреба и др. надворные постройки, а также заборы разбираются до основания. Деревья рубятся и сжигаются». «В результате разрушения построек», — констатировали сотрудники госбезопасности, — «по всей станице образуются громадные пустыри с остатками разрушенных зданий и вырубленных деревьев» (7).

Это далеко не единичные примеры: подобное наблюдалось по всему Югу России, и масштабы разрушения были значительны. Масштабы эти указаны в одном из документов Азово-Черноморского крайкома ВКП(б), члены которого отмечали в апреле 1934 г., что в крае имеется 26 тыс. пустующих домов, из них «вполне годных для жилья» — 5,1 тыс. (8). Стоит ли удивляться, что в перечне районов и станиц, где находились пустующие дома, преобладали районы Кубани, пережившие трагедию «чернодосочных станиц». По данным крайкома, в 18 районах Кубани насчитывалось около 19,4 тыс. пустующих домов, а в 8 указанных в списке районах Дона был лишь 3181 пустующий дом (9). Учитывая, что в первой половине 1930-х гг. разрушались не только Копанская, Ленинградская или Ново-Щербиновская, но и многие другие села и станицы Дона, Кубани, Ставрополя и Терька, сельская местность Юга России в период коллективизации начинала походить на территории, подвергнувшиеся вражескому нашествию.

Соответственно, в сельских населенных пунктах (в том числе и в казачьих станицах) в период насильственной коллективизации культурно-бытовая сфера

чаще всего находилась в состоянии не развития, но упадка или, — в лучшем случае, — стагнации. Новые формы быта и культуры в коллективизированной деревне Юга России утверждались медленно и с трудом. Один из очевидцев «колхозного строительства» в 1934 г. писал в редакцию азово-черноморской газеты «Колхозная правда», что «культурно-просветительной работы среди крестьянства нет. В ст. Леушковской нет клуба, нет кино, нет очага, где-бы мог крестьянин что-нибудь узнать, почитать, посмотреть и отдохнуть». Поэтому колхозники, по их словам, действовали по следующему принципу: «...работаем, а в свободное время водку пьем» (10).

Как видим, крестьяне и казаки, привычные к дефициту культурно-бытовых и просветительных учреждений, не особенно переживали по этому поводу (бегство сельской молодежи в города по причине культурно-бытовой неустроенности начнется гораздо позже, лишь в 1960—1980-х гг.). Но сторонние поселенцы (а именно горожане или красноармейцы), волею судеб очутившиеся в селах и станицах Юга России, испытывали сильный дискомфорт. Показательно в этом отношении письмо красноармейцев-переселенцев колхоза им. Балицкого (станция Красноармейская, бывшая Полтавская), направленное в штаб Северо-Кавказского военного округа 9 июня 1933 г. С гордостью докладывая, что они в основном справились с посевной, красноармейцы сетовали на ограниченность возможностей поднимать свой культурный уровень: «мало у нас книг в наших лен[инских] уголках[,] нет Радио в лен[инских] уголках[,] нет спортивных инструментов и снарядов[,]... нет совершенно учебников для парт[ийного] просвещения повышенного типа[,] нет Музыкальных инструментов» и т.д. (11). И такое же положение наблюдалось повсеместно.

Только вторая половина 1930-х гг. ознаменовалась для сел и станиц Юга России последовательной работой по созданию и расширению социальной инфраструктуры, оптимизации бытовых условий и повышению культурного уровня. Причем большой вклад в развитие систем сельского образования, просвещения, здравоохранения, бытового и культурного обслуживания внесло не столько государство, сколько колхозы, которые зачастую на собственные средства строили и ремонтировали школы, библиотеки, избы-читальни, клубы, дома культуры, амбулатории и прочие подобные заведения. В результате приложения совокупных усилий государства и колхозов казачьи станицы Юга России во второй половине 1930-х гг. заметно преобразились.

В конце 1936 г. секретарь Ивановского райкома ВКП(б) Азово-Черноморского края В. Ухов писал: «неузнаваемой становится станица Старо-Ниже-Стеблиевская — районный центр. До революции станица имела 4 трактира и 7 пивных. Сейчас имеются звуковое кино, дом культуры, радиоузел, электростанция, 4 колхозных клуба, парк культуры и отдыха. В клубе ворошиловских кавалеристов обучается 200 советских казаков, которые умеют метко стрелять в цель с коня и стремительно рубить клинком. 500 лучших отважных всадников освоивших знания ворошиловского кавалериста, обещает дать клуб к 1 мая 1937 г. В будущем году намечено в районе построить 4 школы и один межколхозный клуб на 800 чело-

век» (12). Старо-Ниже-Стеблиевская не являлась исключением: на Кубани было немало станиц, подобных ей. В частности, в станице Старая Титаровка Темрюкского района Кубани в 1939 г. имелись школа-девятилетка и 12 начальных школ, каждый колхоз станицы построил клуб (13). В целом же в Краснодарском крае к исходу 1930-х гг. насчитывалось 1739 колхозных клубов и 1112 колхозных библиотек, 598 изб-читален, свыше 150 сельских больниц и т.д. (14).

Те же тенденции господствовали на Дону и Тереке. Как писал М.А. Шолохов в 1937 г., «во что превратилось донское казачество за годы Советской власти? Не только в станицах, но и в хуторах почти в каждом доме имеются дети — учащиеся в средних школах. Казаки-колхозники уже не думают о том, чтобы вырастить сыновей, умеющих только работать в поле. Они хотят видеть своих детей инженерами, командирами Красной армии, агрономами, врачами, учителями. Растет новая, советская казачья интеллигенция» (15). Современники так описывали в конце 1930-х гг. станицу Вешенскую, где жил в это время великий донской писатель: «возле каждого домика — палисадник, молодые деревья (стволы последних аккуратно выбелены). Сколько мы ни ходили по станице, нигде не видно бесхозяйственных домовладений. Все приведено в образцовый порядок.

По вечерам улицы освещаются электричеством. Матовые плафоны (абажуры) заливают молочным светом центральную улицу, площадь, подъезд к театру казачьей молодежи. Театр, кстати сказать, оборудован исключительно хорошо... В Вешенской имеется педагогический техникум. Построен он из материалов, полученных от разбора закрытой по требованию казачества церкви. Здание чрезвычайно красиво, — лучшее в станице» (16).

О культурно-бытовых переменах в терских казачьих станицах хорошо написал корреспондент «Орджоникидзевской правды» (ранее работавший в «Молоте» и «Северо-Кавказском большевике») И. Чилим, перу которого принадлежало немало ярких публикаций в региональной прессе первой половины 1930-х гг. Описывая жизнь станицы Мекенской на Тереке, он, по коммунистической традиции, противопоставил ее дореволюционное прошлое советскому настоящему: «когда-то старорежимный публицист есаул Караулов, претендовавший на знание казачьей жизни, писал:

«...Жизнь казаков груба и неприглядна. Досуг — это все увеличивающееся пьянство, драки. Казаки не имеют склонности к культурному развлечению» (из записок есаула Караулова).

„Не имеют склонности“. Шутите, есаул Караулов!

В одной из своих заметок есаул сожалеет о том, что офицерские жены, гарнизонные дамы, не заботятся о просвещении казаков.

„А ведь можно бы сплотить людей благородного общества, организовать благотворительные спектакли“.

Сто лет собиралось „благородное общество“ просветить казаков благотворительным спектаклем. А вот как только вышибли из станицы, городов и всей страны это „благородное общество“ — дело пошло на лад» (17).

И далее И. Чилим, обосновывая идею о гигантских положительных сдвигах в культуре и быте советской казачьей станицы Терека, остановил свое внимание

на клубе станичного колхоза 12 годовщина Октября: «...клуб — это выстроенное колхозом прекрасное здание, какого не сыскать в иных городах, высится неподалеку от жалкой приплюснутой бывшей церквушки, ныне по горло напичканной зерном. В клуб вмещается все трудоспособное население станицы — около 900 человек. Свой духовой оркестр, пианино, звуковое кино, свой театр и сверх того так называемая агитбригада из семнадцати девушек-колхозниц — физкультурно-плясовое и песенное объединение... В фойе щелкает бильярд. Всюду не в меру сильный, временами чуть вздрагивающий электрический свет, обилие света» (18). А в зрительном зале клуба в это время шла кинокартина «Последний табор», посмотреть которую собралось немало колхозников. Один из сюжетов вызывает бурную иронию сельской аудитории: «Смех возникает в самом неожиданном месте.

— Ой, батюшки! Вот зашился режиссер, так зашился! Смотрите-ка, председатель колхоза ходит по загону спелой пшеницы, а в зубах папироска горит.

— Ничего, это просто актер непонимающий, а если делом говорить, так за это по шее следует.

— Ишь ты: курит на загоне!» (19).

Такие же позитивные сдвиги в культурно-бытовой сфере, вызванные «колхозным строительством», наблюдались во второй половине 1930-х гг. и в других терских казачьих станицах (20). В них проводилось электричество, создавались школы, библиотеки, клубы и т.д.

Огромное влияние на развитие самобытной казачьей культуры в советский период оказала развернутая руководством СССР с февраля 1936 г. кампания «за советское казачество», имевшая целью вовлечь казаков в дело укрепления колхозной системы и обороноспособности страны. В ходе кампании казакам было предоставлено право развивать и пропагандировать свою культуру, создавать казачьи хоры, ансамбли, театры и пр. Так, в 1936 г. в Вешенской был создан театр казачьей молодежи, для которого специально было построено здание с вертящейся сценой (21). М.А. Шолохов, выступая на двухлетней годовщине театра, справедливо назвал его «ярким огоньком искусства», хотя и посетовал, что «областное управление по делам искусств явно недооценивает значение этого театра. Частая смена художественных руководителей снижает качество работы коллектива» (22).

В том же Вешенском районе Азово-Черноморского края еще в 1935 г. был создан из казаков-колхозников районный казачий хор, члены которого осенью того же года ездили в Москву и дали там не на протяжении месяца более 60 концертов. Донцы выступали даже в Академическом Большом театре СССР на концерте, посвященном 18-й годовщине Октябрьской революции, и пели старинные казачьи и русские песни: «Взвеселитесь, донцы — храбрые казаки», «Пчелочка золотая», «Из-за леса, леса копий и мечей» и др. (23). А 13 октября 1936 г. бюро Северо-Донского окружкома ВКП(б) и президиум Окрисполкома приняли объединенное постановление «Об организации, подготовке и отправке в Москву к 19-й годовщине Октябрьской революции Северо-Донского окружного казачьего хора». Было решено командировать в Москву сводный окружной хор в составе

392 чел. (305 хористов, 63 танцора, 27 гармонистов, 3 бубенщика, 2 транзелиста, 2 бунчука), поделенных на 4 сотни и 16 групп «для лучшего и более четкого управления». Было решено направить в Москву вместе с хором и коллектив театра казачьей молодежи в составе 33 человек. Репертуар хора превосходно отражал реалии советской эпохи. Он включал в себя следующие песни: «Интернационал», «Песня о тов. Сталине», «На заре было, на зореньке», «Ковыль-травушка», «Орелик», «Веселитесь, храбрые казаки», «Конница лихая» и т.д. Коллективу казачьей молодежи было велено «подготовить к показу 2 картины из «Поднятой целины» — Прощание Майданникова с быком и [сцена] в бригаде (сцена с дедом Щукарем)» (24). Надо думать, что первая сцена должна была продемонстрировать зрителям тягу казаков в колхозы (якобы неодолимую), а вторая — повеселить и расшуметь их. Ведь талантливо описанная М.А. Шолоховым сцена, когда бедный дед Щукарь, пребывая в должности бригадного кашевара, по невниманию угостил колхозников кашей со сваренной лягушатинной, могла развеселить кого угодно!

Казачьи ансамбли, возникшие во время кампании «за советское казачество», совершали гастроли не только в Москву. Так, в декабре 1939 г. на бюро обкома ВКП(б) Ростовской области рассматривался вопрос «О поездке Ростовского ансамбля песни и пляски донских казаков в Западную Украину». Обком констатировал, что ансамбль с успехом выполнил свою культурно-просветительную миссию, дав за месяц (с 20 ноября по 20 декабря) 36 концертов и оказав большую помощь в развитии красноармейской самодеятельности. Было решено премировать членов ансамбля (для чего бюро постановило просить Управление по делам искусств при СНК СССР выделить 30 тыс. руб.), предоставить ансамблю постоянную сценическую площадку и создать условия для творческой деятельности, организовать систематическую учебу хора и балета, принять меры по сбору и использованию в репертуаре казачьего фольклора (25).

Необходимо, впрочем, подчеркнуть, что количественные показатели не отражают всей полноты картины и что успехи преобразований в культурно-бытовой сфере казачьих станиц преувеличивались советской пропагандой. В частности, в конце 1935 г. представители партийных органов Северо-Донского округа Азово-Черноморского края на очередном пленуме окружного комитета ВКП(б) печально констатировали, что культурно-просветительные заведения в колхозах округа числятся лишь формально, но в реальности практически не функционируют, ибо колхозное начальство почти не обращает внимания на культуру и досуг. Например, колхоз им. Кагановича Боковского района был премирован патефоном, но эта премия поставила колхозных администраторов в тупик: «когда они его получили, они не знали, куда его девать — по рукам пустить, через 2 дня его не будет, в правлении поставить — будет мешать работать. И пришли к такому выводу, поставить его под кровать сторожихи. Приезжает уполномоченный, спрашивает, [«]у Вас ничего нет в области культуры? [»] «Патефон есть». Говорят сторожихе, чтобы принесла патефон. Она его вытащила из[-]под кровати, обмахнула тряпичей. [«]Вот Вам культура [»]. Уехал уполномоченный, опять этот же патефон поставили под кровать сторожихе» (26). Поэтому, признавали районные работники

Северо-Донского округа, настоящих клубов в округе практически нет, ибо «нельзя же считать клубом помещение не имеющее скамеек, лозунгов и даже портретов вождей», «колхозные клубы мы еще не везде имеем, а если имеем, то с выбитыми окнами неотопленные неосвещенные, керосину нигде нет» (27). Нередко клубы в колхозах использовались не по прямому назначению, а как склады, зернохранилища и т.п. По этому поводу районные работники с иронией говорили, что в колхозах давно «измерили кубатуру этих клубов и тон[н]аж зерна, а какова вместимость народонаселения в этих клубах никто не знает», что «многие секр.[етари местных партийных ячеек] говорят, что клуб считается зернохранилищем на зиму, а летом когда пустой можно вести кульмас.[совую] работу» (28) (однако летом все колхозники были на полях, так что кульмассовая работа теряла всякий смысл). В итоге, по словам представителей власти, колхозная молодежь «снимает хаты колхозника, приходит с водкой, вином, картами и проводит там вечер, при чем, платя за квартиру [заработанной в колхозе] пшеницей. Каждый завязывает в узелок пшеницу и платит за помещение ею» (29).

Такая же ситуация наблюдалась и в других районах Юга России. Так, в конце 1937 г. сотрудник Ростовского обкома ВКП(б) Клименко совершил инспекционную поездку в Чернышевский район, по итогам которой чуть ли не с ужасом рассказывал о катастрофическом положении в сфере культуры и быта местных сел и станиц: «в районе нет кино, не организованы самодеятельные кружки, клуб в негодном антисанитарном состоянии. Прекрасные рощи, окружающие станицу, остаются неиспользованными, тогда как здесь имеется возможность построить неплохой парк. Библиотека уже продолжительное время на замке, нет столовой. Многие коммунисты живут без семей, т.к. после короткого пребывания в этом районе жены бегут, забирая детей, а оставшийся отец прибегает к единственному развлечению — водке» (30).

Весьма характерный случай, свидетельствующий о том, что пропагандистские заверения далеко не всегда соответствовали действительности, произошел осенью 1937 г. на Дону. В октябре 1937 г. в областной газете Ростовской области «Молот» был помещен очерк «Хутор Лебязжий», повествующий об этом сельском населенном пункте, послужившем прототипом знаменитого Гремячего лога из «Поднятой целины». В очерке утверждалось, что шолоховский Кондрат Майданников порадовался бы за своих земляков, у которых теперь есть школа, клуб с радио, «магазин сельпо, в котором можно купить все, что надо — от иголки до добротного костюма» (31). Однако эта оптимистичная публикация «вызвала буквально ярость колхозников», так как оказалось, что радио в хуторе нет, «в клубе грязно и нет никаких кружков», нет электричества, в хуторской лавке (никакого магазина в хуторе не было) нет товаров и пр. (32). Подобные примеры несоответствия розовых иллюзий и неприглядной реальности в казачьих станицах Дона, Кубани, Ставрополя или Терека на протяжении второй половины в 1930-х гг. были вовсе не единичны.

Да и дороги на Юге России (как, впрочем, и по всей стране) являлись такой же бедой, как и раньше. Хотя еще 1 февраля 1932 г. Колхозцентр РСФСР требо-

вал от всех колхозцентров и главдортрансов республики наладить работы по совершенствованию путей сообщения в районах и округах сплошной коллективизации (33), в 1930-х гг. дороги чаще всего оставались такими же разбитыми и непроезжими, как в период нэпа или в досоветскую эпоху. Поэтому, например, по территории Новочеркасского района Азово-Черноморского края (а затем Ростовской области) почту развозили нередко на самолетах, для чего привлекался авиаотряд при Новочеркасском авиационном институте. Как отмечают исследователи, «почту сбрасывали прямо с легкого почтового самолета над крышами сельсоветов, входивших в Новочеркасский район», а «для того, чтобы авиаторы не ошибались, на крышах стансельсоветов белой краской писали крупными цифрами номер почтового отделения» (34).

Таким образом, «колхозное строительство» 1930-х гг. представляло собой не только комплекс мер по модернизации аграрного производства, но и существенно изменило структуры повседневности российской деревни, в том числе культуру и быт казачьих станиц Дона, Кубани и Терека. В первой половине 1930-х гг. эти изменения зачастую носили деструктивный характер, выражаясь в разрушении казачьих куреней и хат, запустении станиц. Уверенные декларации большевиков о культурном развитии казачества в период коллективизации разительного не соответствовали мрачной реальности. Особенно пострадали кубанские казачьи станицы, подвергшиеся в 1932—1933 гг. сокрушительным ударам сталинского режима (в частности, репрессивно-карательного аппарата) на том основании, что казаки, якобы, прислушались к «кулацкой» агитации и саботировали хлебозаготовки.

Положение изменилось лишь во второй половине 1930-х гг., которая ознаменовалась ослаблением давления сталинского режима на колхозное крестьянство СССР (в том числе и на колхозное казачество Юга России), оптимизацией функционирования колхозной системы. Это привело к тому, что трансформации в сфере культуры и быта казачьих станиц не только усилились, но и приобрели положительный, созидательный характер. В данное время широко развернулось создание в коллективизированных казачьих станицах Дона, Кубани и Терека сети учреждений просвещения, здравоохранения, бытового обслуживания и т.д. По существу, о культурно-бытовом обустройстве казачьих станиц Юга России, как о планомерном и последовательном процессе, можно говорить лишь применительно ко второй половине 1930-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Давыдов Ю. «Красный терец» (о колхозе ст. Ново-Павловской, Георгиевского района). — Ростов н/Д., 1931; Радин А.Е., Годович Е.А. Советские казаки. — Ростов н/Д., 1938; Лащилин Б. Станица Михайловская на Хопре. — Сталинград, 1939; Лукин Б.В. К истории донского казачества. — Ростов н/Д., 1939; Гайдаш Н. Калиновский колхоз «15 лет Октября». — Пятигорск, 1940; Корчин М.Н. Донское казачество (Из прошлого). — Ростов н/Д., 1949; Ленинский путь донской станицы / Под ред. Ф.И. Поташева, С.А. Андропова. — Ростов н/Д., 1970.
- (2) Кофанов П. Земля в походе // Наши достижения. — 1930. — № 4. — С. 32.
- (3) Государственный архив Ростовской области (ГАРО). — Ф. Р-2573. — Оп. 1. — Д. 127. — Л. 14.

- (4) Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). — Ф. 166. — Оп. 1. — Д. 114. — Л. 90.
- (5) Там же.
- (6) Там же. — Л. 41.
- (7) Там же. — Л. 41—42, 43.
- (8) Там же. — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 31. — Л. 39 об.
- (9) Подсчитано по: ЦДНИ РО. — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 31. — Л. 50 об — 52.
- (10) ЦДНИ РО. — Ф. 166. — Оп. 1. — Д. 100. — Л. 56.
- (11) ГАРО. — Ф. Р-1390. — Оп. 7. — Д. 442. — Л. 34 об.
- (12) Из статьи секретаря Ивановского райкома ВКП(б) Азово-Черноморского края В. Ухова в газете «Молот» о победе социалистического уклада жизни в кубанской станице // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927—1937 гг.). Документы и материалы / Под ред. П.В. Семернина и Е.Н. Осколкова. — Ростов н/Д., 1972. — С. 681.
- (13) *Котов Г., Струков М., Горбатенко Г., Френкель Я.* Советская деревня к третьей пятилетке // Социалистическое сельское хозяйство. — 1939. — № 5. — С. 149.
- (14) Статистические данные о состоянии просвещения, культуры, здравоохранения [Краснодарского] края в 1937—1939 годах // Краснодарский край в 1937—1941 гг. Документы и материалы / Гл. ред. А.А. Алексеева. — Краснодар, 1997. — С. 525; Справка о состоянии культпросветы работы в крае. 1940 г. // Там же. — С. 534.
- (15) *Шолохов М.А.* Из речи перед избирателями Новочеркасского избирательного округа // Шолохов М.А. Собрание сочинений в восьми томах. — М., 1975. — Т. 8. — С. 65.
- (16) *Лучина С.Ф.* Мои впечатления о поезде в Вешенскую // Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников: в 2 кн. / Сост., вступ. ст., коммент., примеч. В.В. Петелина. — М., 2005. — Кн. 1: 1905—1941 гг. — С. 572.
- (17) *Чилим И.* Станица // Орджоникидзевская правда. — 1937. — 24 октября.
- (18) Там же.
- (19) Там же.
- (20) В казачьих колхозах // Северо-Кавказский большевик. — 1936. — 27 октября; *Чилим И.* Станица на Тереке. Колхозная Калиновка // Северо-Кавказский большевик. — 1936. — 22 декабря.
- (21) Театр казачьей молодежи // Михаил Шолохов в воспоминаниях... — С. 536.
- (22) *Шолохов М.А.* Речь по поводу двухлетия Вешенского казачьего театра // Шолохов М.А. Собр. соч. в 8 т. — М., 1975. — Т. 8. — С. 73.
- (23) *Ерохин А.* Вешенские казаки в Москве // Михаил Шолохов в воспоминаниях... — С. 521—522.
- (24) ЦДНИ РО. — Ф. 76. — Оп. 1. — Д. 62. — Л. 42 об, 43.
- (25) Там же. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 178. — Л. 14, 14 об.
- (26) Там же. — Ф. 76. — Оп. 1. — Д. 30. — Л. 104.
- (27) Там же. — Д. 29. — Л. 24, 78.
- (28) Там же. — Д. 30. — Л. 131, 141; Д. 56. — Л. 61, 62.
- (29) Там же. — Л. 104.
- (30) Там же. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 206.
- (31) *Мар Н., Бусыгин А.* Хутор Лебяжий // Молот. — 1937. — 9 октября.
- (32) ЦДНИ РО. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 245.
- (33) ГАРО. — Ф. Р-2443. — Оп. 2. — Д. 647. — Л. 41.
- (34) *Кирсанов Е.И., Пониделко А.В.* Новочеркасск — столица мирового казачества: История и современность. — М., 2008. — С. 501.

**«THREE BUBENSHIKS, TWO TRANSELISTS,
TWO BUNCHUK»: TRANSFORMATION OF CULTURE
EVERYDAY LIFE OF SOUTH RUSSIA
COSSACK VILLAGE IN 1930S**

A.P. Skorik

Department of Theory of State and Law and Russian History
South-Russia State Technical University
(Novocherkassk Polytechnical Institute)
Prosvesheniya Str., 132, Novocherkassk, Russia, 346428

T.A. Samsonenko

Chair of Tourism and Health Resort Business
Sochi State University of Tourism and Health Resort Business
Sovetskaya Str., 26a, Sochi, Russia, 354000

The cultural and everyday life transformation and development of Cossack villages in the south of Russia in conditions of collective farm building over 1930s are analyzed. The negative impact of forced collectivization on Cossack daily routine is revealed. The positive trends dominating in the sphere of cultural and everyday life of Don, Kuban and Terek Cossacks are elicited and considered as a result of organizational and economic strengthening of the collective farm system taking place in late 1930s.

Key words: recreation centre, village reading room, Cossacks, Cossack chorus, «For Soviet Cossacks» campaign, collectivization, collective farm recreation centre, the sphere of cultural and everyday life, daily routine, Cossack village.